

Д. С. Мережковский

**Христос Антихрист.
Трилогия**

**Книга 2. Воскресшие боги.
Леонардо да Винчи. Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Христос Антихрист. Трилогия: Книга 2. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. Том 2 / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 510 с.

ISBN 978-5-517-99260-4

ISBN 978-5-517-99260-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

та, усадилъ, развернулъ передъ нимъ планы Замка и началъ объяснять военные знаки для переговоровъ крѣпостного отряда съ жителями города: необходимость скорой помощи обозначали днемъ кривой садовый ножъ, ночью — три зажженные факела, показанные съ главной башни Замка; измѣну солдатъ — бѣлая простыня, вывѣшенная на башнѣ Боны Савойской; недостатокъ пороха — стулъ, спущенный на веревкѣ изъ бойницы; недостатокъ вина — женская юбка; хлѣба — мужскіе штаны изъ черной фустаньи; врача — глиняный ночной горшокъ.

Моро самъ изобрѣлъ эти знаки и простодушно утѣшался ими, какъ будто въ нихъ заключалась теперь вся надежда на спасеніе.

— Помни, Бернардино, — заключилъ онъ, — все предусмотрѣно, всего у тебя вдоволь: денегъ, пороха, съѣстныхъ припасовъ, огнестрѣльныхъ орудій; тремъ тысячамъ наемниковъ заплачено впередъ; въ рукахъ твоихъ крѣпость, которая могла бы выдержать осаду въ теченіе трехъ лѣтъ, но я прошу только о трехъ мѣсяцахъ, и, если не вернусь къ тебѣ на выручку, — дѣлай, что знаешь. — Ну, теперь, кажется, все. Прощай. Господь да сохранитъ тебя, сынъ мой!

Онъ обнялъ его на прощаніе.

Когда префектъ ушелъ, Моро велѣлъ пажу постлатъ походную постель, помолился, легъ, но не могъ уснуть. Опять зажегъ свѣчу, вынулъ изъ дорожной сумки пачку бумагъ и отыскалъ стихотвореніе соперника Беллинціони, нѣкоего Антоніо Камелли-да-Пистойя, измѣнившаго герцогу, своему благодѣтелю, и бѣжавшаго къ французамъ. Въ стихотвореніи изображалась война Моро съ Фран-

цією подь видомъ борьбы крылатой Змѣи Сфорца
съ древнимъ Галльскимъ Пѣтухомъ:

Борьбу я вижу Пѣтуха и Змѣя:
Вцѣпилися другъ въ друга, вьются клубомъ;
Ужъ выщербилъ Пѣтухъ Дракону глазъ,
Змѣй хочеть взвиться и не можетъ.
Когтями ротъ ему зажалъ Пѣтухъ,
И корчится Змѣя отъ боли.
Издохнетъ Гадъ, и воцарится Галль;
И тѣмъ, кто мнилъ себя превыше неба,
Побрезгають не только люди — звѣри
И падалью питающійся воронъ.

Всегда онъ трусомъ былъ, но лишь въ раздо-
рахъ нашихъ
Казалось мужественнымъ сердце труса. —
За то, что ты враговъ въ отечество призвалъ,
Похитилъ власть, племянника ограбивъ,
О, Моро, Богъ тебя бѣдою поразилъ,
Для коей нѣтъ врача иного, кромѣ смерти;
И если своего ты счастья не забылъ,
Теперь ты знаешь, Лодовико,
Какъ тѣхъ страданіе велико,
Кто говорить: я счастливъ былъ!

Грустное и въ то же время почти сладостное
чувство обиды было въ сердцѣ Моро. Онъ
вспомнилъ недавніе раболѣпные гимны того же
самаго Антонію Камелли-да-Пистойя:

Кто видитъ славу Моро, каменѣеть
Въ священномъ ужасѣ, какъ отъ лица Медузы. —
Владыка мира и войны,
Одной ногой ты попираешь небо,
Другою — землю.
Тебѣ, о герцогъ нашъ, поднять довольно палець,
Чтобъ повернуть весь міръ;
Ты первый, послѣ Бога, правишь
Рулемъ вселенной, колесомъ Фортуны.

Было за полночь. Пламя догорѣвшей свѣчи трепетало, потухая, когда герцогъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по сумрачной Башнѣ Сокровищницы. Онъ думалъ о своихъ страданіяхъ, о несправедливости судьбы, о неблагодарности людей.

«Что я имъ сдѣлалъ? За что они возненавидѣли меня? Говорятъ: злодѣй, убійца. — Но вѣдь тогда и Ромуль, умертвившій брата, и Цезарь, и Александръ, всѣ героя древности — только убійцы и злодѣи! Я хотѣлъ имъ дать новый вѣкъ золотой, какого народы не видѣли со времени Августа, Траяна и Антонина. Еще бы немного — и подъ моею державою въ объединенной Италіи расцвѣли бы древніе лавры Аполлона, оливы Паллады, наступило бы царство вѣчнаго мира, царство божественныхъ Музъ. Первый изъ государей, я искалъ величья не въ кровавыхъ подвигахъ, а въ плодахъ золотого мира — въ просвѣщеніи. Браманте, Пачіоли, Карадоссо, Леонардо и сколько другихъ! Въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, когда суетный шумъ оружія умолкнетъ, имена ихъ будутъ звучать вмѣстѣ съ именемъ Сфорца. И то ли бы я еще сдѣлалъ, на такую ли высоту вознесъ бы, новый Периклъ, мои новыя Аѳины, если бы не это дикое полчище сѣверныхъ варваровъ!.. За что, за что же Господи?»

Опустивъ голову на грудь, онъ повторилъ стихи поэта:

Теперь ты знаешь, Лодовико,
Какъ тѣхъ страданіе велико,
Кто говорить: я счастливъ былъ!

Пламя въ послѣдній разъ вспыхнуло, озарило своды башни, бога Меркурія надъ дверью казно-

хранилища — и потухло. Герцогъ вздрогнулъ, ибо угасаніе догорѣвшей свѣчи было дурною примѣтою. Въ темнотѣ, оцупью, чтобы не будить Ричьярдетто, онъ подошелъ къ постели, раздѣлся, легъ и на этотъ разъ тотчасъ уснулъ.

Ему приснилось, будто стоитъ онъ на колѣняхъ передъ мадонною Беатриче, которая, только что узнавъ о любовномъ свиданіи мужа съ Лукреціей, ругаетъ и бьетъ его по щекамъ. Ему больно, но не обидно; онъ радъ, что она опять жива и здорова. Покорно подставляя лицо свое подъ удары, ловитъ онъ ея маленькія смуглыя ручки, чтобы припасть къ нимъ губами, и плачетъ отъ любви, отъ жалости. Но вдругъ передъ нимъ — уже не Беатриче, а богъ Меркурій, тотъ самый, что изображенъ на фрескѣ Леонардо надъ желѣзною дверью, подобный грозному ангелу. Богъ схватилъ его за волосы и кричитъ: «Глупый! глупый! на что ты надѣешься? Думаешь, помогутъ тебѣ твои хитрости, спасутъ отъ кары Господней, убійца!»

Когда онъ проснулся, свѣтъ утра брезжилъ въ окнахъ. Рыцари, вельможи, ратные люди, нѣмецкіе наемники, которые должны были сопровождать его въ Германію — всего около трехъ тысячъ всадниковъ — ожидали выхода герцога, на главной аллеѣ парка и на большой дорогѣ къ сѣверу — къ Альпамъ.

Моро сѣлъ на коня и поѣхалъ въ монастырь дэлле-Граціе послѣдній разъ помолиться надъ гробомъ жены.

Съ первыми лучами солнца печальный поѣздъ тронулся въ путь.

II

Вслѣдствіе осенней непогоды, испортившей дороги, путешествіе затянулось болѣе, чѣмъ на двѣ недѣли.

Восемнадцатаго сентября, поздно вечеромъ, на одномъ изъ послѣднихъ переходовъ, герцогъ, больной и усталый, рѣшилъ переночевать на высотѣ въ пещерѣ, служившей пріютомъ пастуховъ. Не трудно было найти болѣе спокойное и удобное убѣжище, но онъ выбралъ нарочно это дикое мѣсто для свиданія съ отправленнымъ къ нему посломъ императора Максимилиана.

Костеръ озарялъ сталактиты въ нависшихъ сводахъ пещеры. На походномъ вертелѣ жарились фазаны для ужина. Герцогъ сидѣлъ на походномъ ременчатомъ стулѣ, закутанный, съ грѣлкой въ ногахъ. Рядомъ, ясная и тихая, какъ всегда, съ домашнимъ хозяйственнымъ видомъ, мадонна Лукреція приготовляла полосканіе отъ зубной боли, собственнаго изобрѣтенія, изъ вина, перца, гвоздики и другихъ крѣпкихъ пряностей: у герцога болѣли зубы.

— Такъ-то, мессэръ Одоардо, — говорилъ онъ послу императора, не безъ тайнаго самодовольства утѣшаясь величіемъ собственныхъ бѣдствій, — вы можете передать государю, гдѣ и какъ встрѣтили вы законнаго герцога Ломбардіи!

Онъ былъ въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ внезапной болтливости, которые теперь иногда

овладѣвали имъ послѣ долгаго молчанія и оцѣпенѣнія.

— Лисицы имѣютъ норы, птицы — гнѣзда, я же не имѣю мѣста, гдѣ преклонить голову!

— Коріо, — обратился онъ къ придворному лѣтописцу, — когда будешь составлять хронику, упомяни и объ этомъ ночлегѣ въ пастушьемъ вертепѣ — послѣднемъ убѣжищѣ потомка великихъ Сфорца, изъ рода троянскаго Англа, Энеева спутника!

— Синьоръ, ваши несчастія достойны пера новаго Тацита! — замѣтилъ Одоардо.

Лукреція подала герцогу зубное полосканіе. Онъ взглянулъ на нее и залюбовался. Блѣдная, свѣжая, въ розовомъ отблескѣ пламени, съ черными гладкими начесами волосъ на ухахъ, съ брилліантомъ на тонкой нити ферроньеры посерединѣ лба, смотрѣла она на него съ улыбкой материнской нѣжности, немного исподлобья, своими внимательными, строгими и важными, какъ у дѣтей, невинными глазами.

«О милая! Вотъ кто не предастъ, не измѣнить», подумалъ герцогъ и, окончивъ полосканіе, молвилъ:

— Коріо, запиши: въ горнилѣ великихъ страданій познается истинная дружба, какъ золото въ огнѣ.

Карликъ-шутъ Янакки подошелъ къ Моро:

— Куманекъ, а куманекъ! — заговорилъ онъ, усаживаясь въ ногахъ его и дружески хлопая герцога по колѣну. — Чего ты носъ повѣсилъ, какъ мышъ на крупу надулся? Брось, право, брось! Отъ всякаго горя, кромѣ смерти, есть лѣкарство. И то сказать: лучше быть живымъ осломъ, чѣмъ

мертвымъ государемъ. — Сѣдла! — закричалъ онъ вдругъ, указывая на кучу сбруи, лежавшей на полу. — Куманекъ, посмотри-ка, ослиныя сѣдла!

— Чему же ты обрадовался? — спросилъ герцогъ.

— Старая басенка, Моро! Не мѣшало бы и тебѣ напомнить. Хочешь раскажу?

— Расскажи, пожалуй.

Карликъ привскочилъ, такъ что всѣ бубенчики на немъ зазвенѣли, и помахалъ шутовской палкою, на концѣ которой висѣлъ пузырь, наполненный сухимъ горохомъ.

— Жилъ да былъ у короля неаполитанскаго Альфонсо живописецъ Джіотто. Однажды приказалъ ему государь изобразить свое королевство на стѣнѣ дворца. Джіотто написалъ осла, который, имѣя на спинѣ сѣдло съ государственнымъ гербомъ — золотой короною и скиптромъ, обнюхиваетъ другое, новое сѣдло, лежащее у ногъ его, съ такимъ же точно гербомъ. — Что это значитъ? — спросилъ Альфонсо. — Это вашъ народъ, государь, который, что ни день, то желаетъ себѣ новаго правителя, — отвѣтилъ художникъ. — Вотъ тебѣ и вся моя сказочка, куманекъ. Хоть я и дуракъ, а слово мое вѣрно: французское сѣдло, что нынче миланцы обнюхиваютъ, скоро имъ спину натретъ, — дай только ослику вволю натѣшиться, и старое опять покажется новымъ, новое — старымъ.

— *Stulti aliquando sapientes.* Глупые иногда мудры, — съ грустной усмѣшкой молвилъ герцогъ. — Коріо, запиши...

Но на этотъ разъ не суждено ему было произнести достопамятнаго изреченія; у входа въ пе-

щеру слышалось фырганье лошади, топотъ копытъ, заглушенные голоса. Вбѣжалъ камерьере Маріоло Пустерло съ испуганнымъ лицомъ и что-то прошепталъ на ухо главному секретарю, Бартоломео Калько.

— Что случилось? — спросилъ Моро.

Всѣ притихли.

— Ваше высочество . . . — молвилъ секретарь, но голосъ его дрогнулъ, и, не кончивъ, онъ отвернулся.

— Синьоре, — произнесъ Луиджи Марліани, подходя къ Моро, — Господь да сохранитъ вашу свѣтлость! Будьте готовы ко всему: недобрыя вѣсти . . .

— Говорите, говорите! — воскликнулъ Моро и вдругъ поблѣднѣлъ.

У входа въ пещеру, среди солдатъ и придворныхъ, увидѣлъ онъ челоуѣка въ кожаныхъ высокихъ сапогахъ, забрызганнаго грязью. Всѣ разступились, молча. Герцогъ оттолкнулъ отъ себя мессэра Луиджи, бросился къ вѣстнику, вырвалъ у него изъ рукъ письмо, распечаталъ, пробѣжалъ, вскрикнулъ и повалился навзничь. Пустерло и Марліани едва успѣли его поддержать.

Боргонціо Ботто извѣщалъ Моро о томъ, что семнадцатаго сентября, въ день Св. Сатира, измѣнникъ Бернардино да-Корте сдалъ Миланскій Замокъ маршалу французскаго короля Джіанъ-Джіакопо Тривульціо.

Герцогъ любилъ и умѣлъ падать въ обморокъ. Онъ иногда пользовался этимъ средствомъ, какъ дипломатическою хитростью. Но на этотъ разъ обморокъ былъ непритворный.

Долго не могли привести его въ чувство. На-

конецъ онъ открылъ глаза, вздохнулъ, приподнялся, набожно перекрестился и проговорилъ :

— Отъ Іуды до нашихъ дней не было большаго предателя, чѣмъ Бернардино да-Корте!

И болѣе въ этотъ день не произнесъ ни слова.

Нѣсколько дней спустя, въ городѣ Инспрукѣ, гдѣ императоръ Максимилианъ милостиво принялъ Моро, — въ поздній часъ ночи, наединѣ съ главнымъ секретаремъ Бартоломео Калько, расхаживая по одному изъ покоевъ во дворцѣ Кесаря, герцогъ сочинялъ, а мессэръ Бартоломео записывалъ довѣрительныя грамоты двумъ посламъ, которыхъ тайно отправлялъ Моро въ Константинополь къ турецкому султану.

Лицо стараго секретаря ничего не выражало кромѣ вниманія. Перо послушно бѣгало по бумагѣ, едва поспѣвая за быстрою рѣчью герцога.

— «Пребывая постоянно твердыми и неизмѣнными въ добрыхъ намѣреніяхъ и расположеніи къ вашему величеству, а нынѣ особливо, для возвращенія нашего государства, на великодушную помощь повелителя Оттоманской Имперіи уповая, рѣшили мы послать трехъ гонцовъ тремя различными путями, дабы, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ исполнилъ наши порученія».

Далѣе герцогъ жаловался султану на папу Александра VI :

— «Папа, будучи, по природѣ своей, коварнымъ и злымъ» . . .

Безстрастное перо секретаря остановилось. Онъ поднялъ брови, сморщилъ кожу на лбу и переспросилъ, думая, что ослышался :

— Папа ?

— Ну, да, да. Пиши скорѣе.

Секретарь еще ближе наклонил голову къ бумагѣ, и снова перо закрипѣло.

«Папа, будучи, какъ извѣстно вашему величеству, по природѣ своей, коварнымъ и злымъ, побудилъ французскаго короля къ походу на Ломбардію».

Описывались побѣды французовъ:

— «Получивъ объ этомъ извѣстіе, объаты были мы страхомъ и почли за благо удалиться къ императору Максимилиану, въ ожиданіи помощи вашего величества. Всѣ предали и обманули насъ, но болѣе всѣхъ Бернардино»...

При этомъ имени голосъ его задрожалъ.

— «Бернардино да-Корте — змѣй, отогрѣтый у сердца нашего, рабъ, осыпанный милостями и щедротами нашими, который продалъ насъ, какъ Іуда»... Впрочемъ, нѣтъ, погоди, объ Іудѣ не надо, — спохватился Моро, вспомнивъ, что пишетъ невѣрному турку.

Изобразивъ свои бѣдствія, умолялъ онъ султана напасть на Венецію съ моря и суши, обѣщая вѣрную побѣду и уничтоженіе исконнаго врага Оттоманской Имперіи, республики Санъ-Марко.

— «И да будетъ вамъ извѣстно, — заключалъ онъ посланіе, — что въ сей войнѣ, какъ во всякомъ иномъ предпріятіи, все, что мы имѣемъ, принадлежитъ вашему величеству, которое едва ли найдетъ въ Европѣ болѣе сильнаго и вѣрнаго союзника».

Онъ подошелъ къ столу, что-то хотѣлъ прибавить, но махнулъ рукою и опустился въ кресло.

Бартоломео посыпалъ изъ песочницы послѣднюю не высохшую страницу. Вдругъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на государя: герцога, закрывъ